

Привет из Чикаго

Перевод с Американского
на Русский и обратно

Нина Фонштейн

12+

Нина Фонштейн
Привет из Чикаго.
Перевод с американского
на русский и обратно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43685407
SelfPub; 2019

Аннотация

Жизнь до отъезда в США описана автором в мемурах "Моя наша жизнь". Прожив в США более 20 лет, автор на основании личного опыта сравнивает типичные жизненные ситуации, как они бы выглядели в США и России, особенности поведения, социальные аспекты и общее биополе обеих стран. При этом сравнивается только то, что поддается сравнению, без намерения ставить отметки, где лучше. Все фото – из архива автора.

Содержание

Вместо введения	4
Заветный SS	8
Нина и только	12
И говорят, как пишут	15
Как я создала четыре рабочих места в Чикагском Центре симфонической музыки	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Эти заметки имеют целью просто сравнить, что поддается сравнению, а не ставить оценки, где лучше.

Вместо введения

В октябре исполнилось двадцать лет, как мы живем в США. После описания моей жизни до отъезда из России в книжке «Моя наша жизнь» и ее небольшом продолжении, я искренне думала, что заметки об американском, хоть уже и длинном периоде моей жизни, будут массам неинтересны.

Многое про жизнь в Америке описано и даже издано почти в виде инструкций как например, в известном сборнике «Как выжить в Америке», что в какой-то степени полезно каждому и было полезно нам, но постепенно я поняла, что эти книги не отражают жизни в стране после того, как вы выжили.

Шоковые впечатления первого приезда в США, характерные для впервые приезжающих в США в девяностые годы, ярко описаны в 1998 году Владимиром Александровичем Антонцом, Нижегородским профессором и моим коллегой по работе в Международном Инкубаторе технологий, в его небольшой книжке «Остин». Однако это выглядит уже несвоевременным: кого сегодня удивит магазин размером в стадион, когда в Москве уже есть серия Ашанов и ИКЕА.

Мои начальные заметки с впечатлениями от американской жизни, которые с интересом нахожу в моих подробных письмах в Россию (начальный год работы на заводе оставлял мне много времени для писем и даже очерков в российские журналы) тоже отражали в основном вызывающие шок от различия и сегодня опоздали.

Однако мои доброжелательные читатели убедили меня в возможной полезности моих личных, длительных и уже не поверхностных впечатлений.

Мы приехали в США не как беженцы: не убежав ранее, я не видела причин, от которых надо было бежать именно в тот 1998 год. Как я писала ранее, у меня была прекрасная работа и жила я в полу-изолированном мире с полным ощущением полезности проводимого нами совместно с американцами обучения в АНХ российских ученых ведению малого бизнеса. Лихие девяностые затронули многих из моих друзей и сотрудников, но, к счастью, обошли нас с Юрой.

Приехали мы в США и не как эмигранты в надежде на лучшую жизнь: мы казались себе вполне благополучными, чтобы быть довольными тем, что есть. Приехали-переехали мы исключительно из-за сына и внуков, пряча от себя понимание, что им это совсем не нужно. С первого дня приезда меня ждала, пусть и неинтересная, работа, с надеждой (к счастью, сбывшейся) вернуться к специальности и занятиям всей моей жизни, поэтому в этой книжке не будет описаний таких важнейших и часто неизбежных для большинства при-

езжих проблем как борьба за существование, поиски работы и утверждение себя в этой непростой стране.

Мы и не подозревали, насколько рискован был наш «благополучный» приезд, о чем я упомяну позднее, а поскольку все обошлось и все хорошо, что хорошо кончается, в целом настоящая книжка представляет собой заметки адаптированного жителя Америки, который постоянно сравнивает детали жизни в США и России с обидой или гордостью то за одну, то за другую страну.

Внешние различия останутся вне моего рассмотрения, поскольку они с годами уменьшались в нарастающем темпе: быстро растет число небоскребов в Москве, как и роскошных магазинов, которые отличаются от американских только более высокими ценами.

Что я пытаюсь делать, это сравнить типичные жизненные ситуации, как они выглядят в США и России, особенности поведения, социальные аспекты и общее биополе сравниваемых стран. При этом буду касаться только тех тем, о которых сложилось собственное мнение на основе личного опыта и впечатлений.

Так как я хочу быть доказательной, не могу избежать перечисления неких фактов или даже приведения справочных данных, что позволяет упрекать мои описания в неких чертах путеводителя. Однако, это мною собранный путеводитель и мною отобранные конкретные данные, именно из-за которых проникла уважением к некоторым особенностям

местной жизни или испытываю то гордость то боль за Россию, в которой прожила три четверти моей уже не очень короткой жизни.

Как часто думаю, общие итоги сопоставления впечатлений похожи на «Женитьбу» Гоголя: «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича...». При этом я должна с сожалением предупредить, что американские впечатления чаще сопоставляются с моим опытом жизни в СССР и весьма ограниченным российским опытом: слишком редко и мало по времени бываем в России, чтобы адекватно знать, как обстоят там дела сегодня.

Поскольку в книжке будут ссылки на различные имена конкретных людей, поясняю: Валя – моя сестра, Миша – мой сын, Вероника – его жена, Анечка. Бен и Шарлотта – внуки, Ольга, Олег, Женя, Игорь, Жора – сотрудники Исследовательского Центра фирмы АрселорМиттал, где работала до конца моей профессиональной карьеры.

Заветный SS

Про российский Собес мы узнавали в первый раз, когда приходило время оформлять пенсию. Но и они узнавали тогда тоже про нас впервые. Мы приносили копию нашей трудовой книжки, справки о зарплате за пять или десять лет, а они как-то рассчитывали нашу пенсию, иногда с годами повышали ее то глядя на инфляцию, то на возраст.

В Штатах служба социального обеспечения, которую здесь называют социальной безопасностью (social security) стоит в начале и конце вашего существования.

Как бы вы не приехали в страну: имея грин кард, по рабочей или студенческой визе, или как беженец, вы не можете получать каких-либо денег, будь то зарплата, стипендия или пособие, не можете открыть счет в банке или получить водительские права, пока вас не «посчитали» («это не больно») – не выдали заветный SS номер социальной безопасности. Его присваивают и детям и приехавшим старикам. Вы должны сообщать этот номер по месту работы, банку, госпиталю, при заявлении на кредитную карту, но охранять от ненужного доступа.

У меня есть ощущение, что этот номер работает, как работала в старое время в мелких мастерских спица на круглой подставке, куда на одну ось накалывают, как некогда квитанции, всю про вас информацию, будь то текущий адрес и телефоны, зарплата, ваши налоговые отчисления на социальное обеспечение, все ваши кредитные карточки и регулярность погашения задолженностей, выплаты по кредиту за дом, случаи вождения в нетрезвом состоянии или аресты за хранение марихуаны.

Действует эта система безотказно. Например, я решила получить дополнительную кредитную карточку, какого-то магазина, где при наличии их карточки предлагают существенные скидки. Подошла к кассе, набрала мой SS и не успела отойти, как они уже знали, заслуживаю ли я доверия и на какую сумму кредита.

Так же выясняли наш кредитный рейтинг при покупке дома (это были времена нормальной тщательной проверки покупателей, которую, к сожалению многих, практически про-

пускали во время бума недвижимости). При этом не надо заниматься специальным сбором информации, достаточно запросить любое из трех специализированных кредитных агентств, которые в течение всей вашей жизни нанизывают на ваш номер SS перечень всех имевшихся и имеющихся ваших кредитов на машину, мебель, технику, сроки расплаты, число кредитных карт, случаи, когда для получения оплаты кредитор обращался к коллекторам и т. п. Они же, по известным им формулам, и определяют ваш так называемый кредитный рейтинг на данный момент.

Интересно, между прочим, что первый кредит, получить достаточно трудно, потому что еще неизвестно, как вы управляетесь с долгами. Каждый следующий кредит (то есть чем больше у вас потенциальных долгов) получить все легче и легче, потому что системе учета вашего поведения, собираемой по ключевому фактору – номеру SS, видно, как вы организованы.

Вы поступаете на работу, и с помощью этого же злосчастного SS номера могут всплыть случаи, когда вы, хоть бы и в студенческом возрасте, были задержаны за вождение в нетрезвом состоянии (эта информация хранится всю жизнь).

При этой системе пожизненного отслеживания ваших данных вам ничего не нужно собирать и предъявлять для получения пенсии: агентства социальной безопасности сами суммируют ваши зарплаты (разумеется, с учетом инфляции) за все годы работы и делят на тридцать пять – положенный

стаж работы к пенсионному возрасту, что и является базой для расчета. Однако на каждый год известен существующий тогда максимум зарплаты, выше которой отчисления на соцобеспечение не берутся, поэтому максимальная пенсия достигается скорее стажем, чем очень высокой зарплатой. О пенсии подробнее поговорим позже, но когда наступил наш «пенсионный возраст» (тогда это было 65 с половиной лет, сейчас он постепенно растет до 67), служба SS начала ежемесячно присылать рассчитанные ими пенсии без всякого нашего обращения.

Нина и только

Когда начинаешь здесь жить и работать, новое начинается именно с этого – как тебя называют.

Я сформировалась как Нина Михайловна лет в двадцать пять. Стала небольшой начальницей, раздула щеки, ощущала, по-видимому, тяжесть ответственности на плечах, и помню, что так и представлялась при встречах: Нина Михайловна, хотя в ОКБ завода «Эмитрон» те сотрудницы моей группы, которые были моими ровесницами, еще звали меня на «ты».

В ЦНИИЧермет я пришла в тридцать три. Мои аспиранты и подчиненные были моложе меня на десять, а с годами и на двадцать лет, и так сложилось, что независимо от их возраста все звали меня по имени-отчеству и на «вы». Нина Михайловна звучало длинно, и со временем ребята упростили эту длинноту до «Михална», и это настолько вошло в привычку, что и в моем присутствии, вызывая ко мне по телефону кого-то из других комнат, так и комментировали: «тебя Михална зовет».

Когда приезжала в США в гости или командировки, либо не общалась с американцами, либо встречалась с равными по возрасту или положению. В тех ситуациях обращение ко мне как «Нина» от профессоров в Остине или коллег на LTV не шокировало.

Если моих аспирантов и сотрудников в России я воспринимала как детей, хотя ровесниками Миши были только самые младшие из них как Оля Гирина, Боря Букреев или Витя Пименов, то в американской жизни мои подчиненные постепенно приближались к возрасту Анечки и годились мне во внуки.

И тем не менее в Америке я для всех стала только Нина.

Мои молодые техники на заводе Hana Steel, где я была менеджером по качеству, сразу называли меня просто Нина, и тогда я в душе улыбалась.

Когда начала работать на АрселорМиттал, стало совсем смешно. Мои бывшие сотрудники по ЦННИИЧермету Оля Гирина и Олег Якубовский, что оказались снова в моем подчинении, давно знакомый Женя Поляк или сотрудник Жени Шура, Игорь Комаровский, знавший меня в Москве, даже под угрозой пистолета не могли бы называть меня иначе как Нина Михайловна – привычка, выработанная не одним десятилетием. Зато все остальные иначе как по имени называть меня не могли по определению.

По имени здесь зовут вице-президента компании Грегa Людковскогo, по имени звали и бывшего генерального менеджера исследовательского центра достаточно пожилого Дика Сасмана, как и теперешнего Пинакина Чоубала, хотя оба по натуре существенно менее демократичны, чем Грег.

Знаю от Миши, что когда ему, тридцатилетнему, сразу после приезда в 1991 году его шестидесятилетний профессор

Чикагского университета сказал:

– Называй меня «Боб», – Миша долго не мог себя преодолеть.

Потом привыкаешь, что так тебя называют и уборщицы, и двадцатилетние лаборанты, так называют за глаза, так обращаются рабочие в гараже – нет вариантов.

Если еще иметь ввиду, что в английском нет разницы между «ты» и «вы», то и любой малыш зовет меня на ты и просто Нина.

Иногда ДБ (наш начальник отдела, который приучил всех называть его инициалами) обращается ко мне как бы официально:

– Доброе утро, профессор, – и я чувствую себя шутливо возвращаемой в свою тарелку.

Нарочито учтиво «профессор» называет меня при встречах и профессор Питтсбургского университета Тони ДеАрдо, который помнит меня еще по поездкам из Москвы, но мы оба понимаем, что это из другой оперы и выглядит как подарки цветов вне праздников.

Иначе, как «Нина», представляться уже и в голову не приходит.

Постепенно понимаешь, что и в этом есть важный элемент равенства. Если ты обращаешься к начальнику не иначе как Дик или Билл, то можно его уважать или не уважать, но тут нет места какому-то ни было пиетету, или того паче – работе.

И говорят, как пишут

Люди моего поколения помнят российско-американские телемосты, которые в конце 80-х вели Владимир Познер и Фил Донахью: впечатляющие импровизированные дискуссии представителей СССР и США в больших аудиториях. Не сомневаюсь, что тщательный отбор участников этих аудиторий производился с обеих сторон, но лично меня убивало косноязычие наших выступавших, бесконечные «вот», «ну», «mmm». «эээ», меканье, эканье, особенно досадное на фоне красноречивых и гладко говорящих американцев,

Частичное объяснение умения гладко говорить американцев я увидела лично уже во время первого визита в США. В 1992 году мы с Юрой приехали в Бостон навещать Анечку. Она позвала посмотреть ее школу.

Похвасталась своей публикацией в школьном журнале. Что-то вроде тетрадки большого формата, размноженной на ксероксе (1992 год!). Мы прочли и были тронуты до слез неформальным рассказом о незаметном с виду однокласснике, играющем на фортепиано. Кончался этот небольшой рассказ весьма эмоционально: «Ребята, пройдут годы, и мы с гордостью будем говорить: А ведь мы учились с этим парнем в одной школе!»

Там были и другие написанные в свободном стиле заметки, но на нас этот журнал произвел особое впечатление, по-

тому что Анюша училась в этой школе всего год, в специальном классе для учеников, для которых английский не родной (второй) язык. Так и называются эти классы «English-second language», в которых в течение одного-двух лет учатся дети, приехавшие из Мексики, России, Китая.

Аня позвала нас в класс, мы попросили у учительницы разрешения побывать на уроке. Тогда еще бабушки и дедушка, приехавшие в гости из России, были внове.

Мы обратили внимание на небрежность детей к верхней одежде: поскольку на уроки по разным предметам надо переходить в разные помещения, ученики тащили куртки с собой, бросали их тут же у входа на пол (общей раздевалки, по-видимому, не было). В большинстве школ существуют индивидуальные шкафчики, но тяжеленные рюкзаки с учебниками бедные дети все равно тащат из класса в класс.

Это был как раз урок английского. Учительница запустила им фильм про историю иммиграции. Там были и комментарии диктора и просто картины очередей на Статен Айлэнд, где происходили регистрация и медицинский осмотр въезжающих (в то военное и послевоенное время – преимущественно морским транспортом).

После окончания картины учительница стала задавать вопросы, общие и конкретные:

- О чем картина, которую вы сейчас смотрели?
- Почему люди разных стран стремились приехать в США?

– Почему США принимали и принимают людей из разных стран?

– Каковы требования к приезжающим?

К нашему удивлению, ребята, иногда запинаясь в английском, произносили длинные идеологически выдержанные речи.

Мы часто слышим критику несбалансированной школьной программы американского образования: В высшей (с 8-го по 11-й класс) математика – все годы, от алгебры до тригонометрии и высшей математики, английский – все годы, физкультура – каждый день, но всего один год на химию, один на физику, один на биологию. В 11-м классе ученик выбирает предметы в соответствии с будущими планами. Можно брать «продвинутые» предметы, отметки по которым зачитываются в колледже (университете), освобождая от слушания соответствующих предметов. Не могу судить: нет полной информации, школьное обучение внуков проходило без нашего участия. Но в чем я твердо убеждена на своем разнообразном опыте – это в том, что, возможно, американские дети и оканчивают школу без знания орфографии или, как некоторые утверждают, и арифметики, но чему их действительно учат – это говорить.

На уроках английского языка их учат пересказывать, писать сочинения и даже сочинять стихи в заданном стиле.

Формируется это умение говорить не только на «разговорных» предметах, но и в результате многолетней практи-

ки сдавать все контрольные, тесты, экзамены в письменном виде, часто в виде эссе на заданную тему.

Как и в наших сочинениях, эссе должно содержать введение, основную часть и заключение. Как-то после моего доклада на американской конференции, когда я, для экономии времени, сразу понеслась показывать результаты, Майкл Корчинский, которого знала по приездам в ЦНИИчермет, сделал мне замечание, которое запомнила на всю жизнь:

– Американцы так не привыкли. Сначала нужно объяснить, о чем вы собираетесь говорить, а в конце суммировать, о чем вы говорили.

Так велят строить и эссе.

Причем при поступлении в университет отбор осуществляется по школьным оценкам (с поправкой на рейтинг школы), результатам обобщающего теста АСТ (American College Testing) плюс как раз на основании впечатления от представленного эссе (я не уверена, что мы знали это слово в школьные годы).

Эссе пишется почти как устное выступление, доказывающее умение школьников ответить на поставленный вопрос. А вопросы бывают весьма разные – от простых вроде «Почему ты хочешь поступать в наш университет» или «Твои увлечения» до совсем не простых, вроде «Какой момент твоей жизни привел тебя к пониманию, чего ты хочешь в жизни» или «Самый трудный период твоей жизни», «Главный человек твоей жизни», «Как твоя семья повлияла на твой харак-

тер» и т. д.

Я тут посмотрела формулировки реальных тем, предлагаемых для вступительного эссе университетами, и буквально отпала. Приведу несколько:

– Уроки, которые мы извлекаем от преодоления препятствий, могут быть критическими для будущего успеха. Опиши случаи, когда ты встретил вызов, препятствия или потерпел неудачу, как это повлияло на тебя и какие ты извлек уроки.

– Опиши проблему, которую ты решил или хотел бы решить, будь то интеллектуальный вызов, исследование или этическая дилемма.

– Собака и кошка, кофе и чай, Великий Гэтсби и «Ловец над пропастью во ржи». Все знают, что есть два разных типа людей. Какие они?

Непросто писать такие сочинения, да еще укладываться в определенный объем (250, иногда 500 слов).

Так же важно умение строить и устные выступления, с которых начинаются интервью при приеме на работу и которые выглядят как продуманные сочинения на тему о себе любимом.

Можно сказать, что естественный отбор и формирование успехов американцев зависят именно от умения выражать свои мысли устно и письменно, говорить, представлять себя и свои знания. В результате, будь то репортаж с места событий с опросом разных людей, или интервью пожарных,

спортсменов – во всех случаях мы слышим связную гладкую речь.

Хорошо говорят даже те, кто склонен к молчаливости. Это мы видим на примере нашего внука Бени. Он скорее в маму. Может внимательно слушать и молчать часами. Однако если вопрос направлен ему, он на удивление златоуст, доказательный спорщик, вполне убедительный оратор.

То же самое мои техники разного возраста, с разными уровнями образования, заставляющие меня иногда жалеть об этом умении американцев долго и складно говорить на любую тему, что раздражающе затягивает любое обсуждение.

Кстати, все техники именно американцы, в отличие от инженеров, приехавших из Китая, Кореи, Индии, Ирана и получивших Ph.D. в США или Канаде (кроме уже приехавших со степенью кандидата наук из России). Нет интереса к металлургии и вообще к инженерным наукам у американцев – это уже отдельная тема.

Как я создала четыре рабочих места в Чикагском Центре симфонической музыки

В Москве мы предпочитали драматические театры и ходили туда весьма часто – это было привычной, почти обязательной частью жизни. И сейчас, когда бываем в Москве, прежде всего стараемся попасть в театр.

После переезда в США мы, возможно, попробовали пойти на драматический спектакль слишком рано (во время первого же посещения Нью-Йорка). В одном из театров Бродвея шел какой-то детектив, не все слова были понятны, и мы не уловили самую суть.

После этого постановили, что мы ходим только на мюзиклы, что и делаем время от времени. А чтобы не опуститься и держать свой культурный уровень на должной высоте (поднимая себя за волосы, как барон Мюнхаузен), все эти годы мы подписываемся на серии выбранных оперных спектаклей и симфонических концертов, в том числе в этом году с удовольствием вспомнили знаменитую рок-оперу Иисус Супер-стар, которую многократно слушали еще в семидесятых.

В Чикаго находится широко известная «Чикаго симфони» с прекрасным (одним из пяти лучших в США) оркестром. В первые годы нашего приезда и до 2006 года художествен-

ным руководителем Чикагского симфонического оркестра был Даниэль Баренбойм, пианист и дирижер, сейчас Риккардо Мутти, не менее мощный дирижер и бывший музыкальный руководитель Театра Ла Скала. (Интересно, что сейчас в его роли в Ла Скала выступает Баренбойм).

Часто приезжают на гастролы и другие дирижеры из разных стран, в том числе из России: Валерий Гергиев, Юрий Темирканов, как и всемирно известные исполнители, включая российских: Евгений Кисин и Денис Мацуев, или целые оркестры, включая оркестр Мариинского театра. В программах широко представлены Шостакович, Прокофьев и, разумеется, Чайковский, Скрябин и Рахманинов. Российские композиторы здесь очень популярны и любимы.

Мы привычно сдаем верхнюю одежду в раздевалку. Надо сказать, что к общему удивлению приехавших из России большинство американцев этого не делают, садятся не только на свои куртки, но и на красивые шубы, потом их из-под себя вынимают, встряхивают и идут домой. Во время длинных опер Вагнера устраивают большой перерыв, чтобы зрители могли перекусить. Мы потрясенно наблюдали, как эти шубы расстилали на ступеньках лестниц и садились на них с коробками «ланча» в руках.

Итак, мы сдаем верхнюю одежду в раздевалку (два доллара с человека). Когда мы как-то спросили у гардеробщицы, как объяснить, что верхнюю одежду не сдают, она пожала плечами: может, экономят деньги. Это потрясает, потому что стоимость билета что в оперу, что в симфонический центр, от 40 до 150–250 долларов, но, по-видимому, это принятый факт, потому что в пятиярусном оперном театре в партере две маленькие раздевалки и еще по одной на верхних ярусах. Может, экономят время, чтобы не стоять в очереди, чего американцы не любят, не знаю.

Что касается симфонического центра, там тоже в партере одна маленькая раздевалка и далее по одной на верхних ярусах. Около раздевалки в партере небольшая площадка, где оставляют свои «ходунки» и кресла на колесах зрители с ограниченной подвижностью – на дневных спектаклях их набирается десятки.

Много лет назад, наскоро одевшись, я рванулась к выходу в обход этих кресел-ходунков, споткнулась о не очень внятный закругленный край лестницы (показан на фото), ведущей на верхние этажи, и растянулась рыбкой на глазах у всей покидающей симфонический центр толпы. Ко мне тут же подбежали дежурные с вопросом, нет ли серьезных проблем. Не нужна ли помощь. Я немного отбила ладошки, но осталась цела и потому поспешила выйти на улицу.

Когда мы пришли на следующий концерт, Юра обратил внимание, что по обоим краям лестницы, вернее двух лестниц, с обеих сторон фойе, стоят дежурные в ливреях. То же оказалось и в перерыве и после окончания концерта. Вначале мы решили, что это случайность, однако это происходит уже в течение более десяти лет: на каждом краю лестницы стоит часовой. Поставили стражей предотвращать спотыкания о лестницу, которые приводят (могут приводить) к падению вроде моего. Техника безопасности – это святое.

Разумеется, технике безопасности уделяют внимание и в России, но в США это кажется возведенным в культ. Когда я работала (почти год) на Hana Steel, владелец компании мистер Хана приезжал из Бирмингема в Пекин (так назывался город в штате Иллинойс) и проводил общезаводские встре-

чи исключительно посвященные технике безопасности. Как религиозный человек, он начинал встречи с молитвы и благодарения богу, что никто не пострадал.

Во время запуска нашего нового мини-завода в Иллинойсе (у Ханы было еще четыре завода в штате Алабама) случился несчастный случай с возгоранием печи на линии покрытия как раз в момент демонстрации этой линии будущим заказчикам. Я была в это время вместе с другими руководителями на башне, где расположена печь, и при звуке сирены о возгорании вместе с другими быстро бежала вниз – этажей шесть. Печь долго восстанавливали, но на ближайшем собрании мистер Хана демонстрировал спокойное отношение к потерям (разумеется, все было застраховано) и благодарно молился, что не было человеческих жертв.

На АрселорМиттал я проработала 17 лет. Пока была менеджером группы, должна была проводить ежемесячные демонстрации фильмов по технике безопасности и собирала подписи сотрудников, подтверждающие, что они эти фильмы смотрели. Потом эту функцию принял на себя Нараян, а я расписывалась в списке смотрящих.

Каждый год фильмы, хоть и на ту же тему (порезы рук, падения с высоты, падения на скользком полу, ожоги химикатами), приобретали все большую красочность и, в общем, были убедительными напоминаниями о необходимых предосторожностях.

Однако, не отрицая полезности этих общих предостере-

жений относительно техники безопасности, где-то в подсознании трудно отделаться от ощущения, что важная, если не главная мотивация озабоченных техникой безопасностью – страх судебных исков и потери денег.

Все помнят злополучную тетю в Макдональдсе, что получила по суду миллионы за ожоги от чересчур горячего кофе. На каждом шагу рекламы контор, которые помогут вам оформить иск и получить компенсации за увечья, неправильное лечение.

Беспокойство докторов относительно их финансового наказания за это возможное неправильное лечение требует наличия у них дорогих страховок, оплату которых они должны компенсировать высокими ценами за их услуги.

А уж как страхуются разработчики лекарств – уму непостижимо. Реклама новых лекарств заполняет большую (с ударением на «о») часть рекламного времени, хотя ни одно из них не продается без рецепта – все для того, чтобы вы попросили их у своего доктора. И тут же диктуют длиннющий список их возможных вредных побочных действий. В приложении к одному из лекарств, что получает Юра, так и написано: один из возможных побочных эффектов – смерть.

«И не судите нас, что мы не предупреждали».

Сейчас известную и успешную фармкомпанию Genentech как раз и судят за то, что при выпуске нового мощного лекарства Actemra в качестве побочных эффектов фирма не указала возможный повышенный риск инфаркта, У конку-

рирующих лекарств этот риск тоже присутствует, но указан.

Поскольку мы в целом обсуждаем безопасность, сегодня в госпитале (стационары и поликлиники здесь называются одинаково госпиталем) уборщик, что уже выставил табличку на полу около лифта: «влажный пол», поддерживал меня за руку до самого лифта, чтобы что-то не случилось.

Четыре новых рабочих мест для дежурных около лестниц в симфоническом центре – из той же оперы.

С другой стороны, мне ли критиковать повышенное внимание к безопасности, когда именно острый фокус на всеобщее знание средств безопасности спас мне жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.